
ИНСТИТУТ ПОПОВСКИХ СТАРОСТ ПО СТОГЛАВУ

© 2011 С.В. Лунин

Самарский государственный экономический университет

E-mail: 203@mail.ru

Рассматриваются особенности правового регулирования института поповских старост по Стоглаву, их функции и порядок избрания. Подробно определяются полномочия поповских старост по наказанию провинившихся священников, а также ответственность самих протопопов.

Ключевые слова: Московское государство, церковное право, источники церковного права, Стоглавый собор, поповские старосты, протопопы, десятские священники, святительский суд, юридическая ответственность, белое духовенство.

В первой половине XVI в. Московское государство столкнулось с тяжелой кризисной ситуацией, когда система управления и суда вызвала растущее возмущение всех слоев общества, усиливались конфликты между отдельными социальными группами, государственная политика по борьбе с преступностью оказывалась неэффективной.

В сложных условиях высшая власть начала реализацию программы реформирования системы управления и суда, призванной оздоровить социальные и политические связи в обществе. Правовыми основами такой деятельности правительства послужили Судебник 1550 г. и принятое в 1551 г. соборное уложение, получившее впоследствии название “Стоглав”. Из речи царя Ивана IV к собору следует, что создание Судебника и Стоглава явилось важной предпосылкой для примирения в обществе и начала нового конструктивного этапа общественного развития: “А яз по вашему прощению и благословию бояр своих в прежних во всех винах пожаловал и простил, да им же заповедал со всеми хрестяны царствия своего в прежних во всяких делех помиритися на срок. И бояре мои, все приказные люди, и кормленщики со всеми землями помирились во всяких делех”¹. В этой же речи Иван IV возлагает на Церковно-Земский собор 1551 г. важную миссию - исправить разрушенную годами боярского правления административно-судебную систему и восстановить мир и порядок в обществе: “...а которые обычаи в прежние времена после отца нашего великаго князя Василя Ивановича всеа Русии и до сего настоящего времени поизшатались или в самовластии учинено по своим волям или предние законы которые порушены или ослабно дело небрегомо божиих заповедей,

что творилося, и о всяких земских строениих и о наших душах заблужении о всем о сем довольно себе духовне посоветуйте”².

Отношение к Стоглаву в историко-правовой литературе неоднозначно, поскольку этот источник права являлся одним из важнейших камней преткновения в спорах старообрядцев и сторонников официальной Церкви. Позиция последних хорошо отражена в сочинении Феофилакта Лопатинского: “Собор сей, не токмо стоглавым, но и единоглавым не достоин нарещися, понеже... основан на единых баснех”³. Как видим, официальная церковная позиция по отношению к Стоглаву определялась на основании решений Московского церковного собора 1666-1667 гг., на котором были осуждены многие догматы, утвержденные собором 1551 г.

В противоположность данной точке зрения раскольники и большинство светских исследователей высоко оценивали значение Стоглава как источника церковного права⁴. Согласно этому подходу Стоглав представляет собой интересную и жизнеспособную попытку оздоровить церковную организацию, поднять авторитет православного духовенства в глазах паствы, разрешить спорные вопросы церковного права и суда.

В намечаемой программе оздоровления всей церковной иерархии значимую роль должен был сыграть институт поповских старост, которые в самом Стоглаве нередко называются “протопопами”.

Институт поповских старост рассматривается в исследовательской литературе исключительно кратко. К примеру, П. Знаменский в своей работе по истории Русской церкви ограничивается всего несколькими фразами относительно этого института: “Стоглав сделал учреждение попов-

ских старост и их помощников, десятских священников, повсеместным, и облек их, кроме обязанности собирать владычные сборы, еще обязанностью надзирать за церковным благочинием и в качестве депутатов сидеть в суде над духовенством у владычных мирских судей. Право церковного суда по-прежнему оставлено за одними приказными органами архиерейской власти, как духовными, так и светскими, которым духовная власть доверяла больше, чем выборным старостам. Сами поповские старосты подчинены надзору архимандритов, игуменов и протопопов⁵. Абсолютное же большинство исследователей, давая характеристику Стоглава, вообще не упоминают о поповских старостах и не рассматривают их функции и сферу деятельности (Н.П. Загоскин, Е.Е. Голубинский и др.)⁶.

Поднять авторитет духовенства среди мирян можно было, только разрешив сперва проблему небрежного отношения священников к своим обязанностям, неправильного исполнения церковных чинов, что серьезно снижало значение церковных служб в глазах прихожан. О том, насколько актуальной была эта проблема, говорит уже тот факт, что задача создания института поповских старост для контроля за соблюдением духовенством «священных правил» была поставлена Иваном IV в первом же вопросе, обращенном к собору: «И ныне бо видим и слышим кроме божественнаго устава многия церковныя чины не сполна совершаются не по священным правилом и не по уставу. И вы бы о всех тех церковных чинех разсудив и указ учинили по божественному уставу и по священным правилом сполна и о всяком священническом и иноческом и о всяком причту церковном, и уставили бы есте старосты поповские надо всеми священники бжежения ради церковнаго и прочия чины по правилом...»⁷

Таким образом, инициатива учреждения института поповских старост исходила от светской власти, непосредственно от самого Ивана IV. Не исключено, что эта идея была выработана царем совместно с митрополитом Макарием, который принимал деятельное участие в разработке программы реформ на этом этапе. В частности, Е.Е. Голубинский, автор фундаментального труда по истории Русской церкви, полагал, что именно митрополит Макарий являлся подлинным вдохновителем Ивана IV на проводившиеся в это время реформы⁸. Еще более вероятной фигурой, оказавшей влияние на царя при составлении вопросов к

собору, является протопоп Сильвестр⁹. Однако никаких прямых доказательств этого предположения не имеется. С другой стороны, прослеживается прямая аналогия институту протопопов в реформах местного управления, которые проходили в предшествующее церковно-земскому собору 1551 г. десятилетие. Речь идет о губной реформе, согласно которой значительная часть полномочий наместников и волостелей передавалась в руки местных органов самоуправления¹⁰.

В соответствии с предложениями царя собор 1551 г. подтвердил требование совершать церковные службы согласно установленным правилам, а для надзора за исполнением данного решения постановил избирать протопопов из числа священников: «И того ради церковнаго чина в царствующем граде Москве и по всем градам российскаго царствия русския митрополия повелехом избирати протопопом в коемждо граде по царскому повелению и по благословению святительскому священников искусных добрых и житием непорочных»¹¹. В той же 6-й главе собор определил требования, которые должны были предъявляться к поповским старостам: 1) они должны быть «искусны», т.е. хорошо разбираться в церковных правилах и порядке совершения служб; 2) они должны быть «житием непорочны», т.е. пользоваться безупречной репутацией.

Таким образом, согласно Стоглаву, поповские старосты должны были избираться белым духовенством из своей среды. Позднее было установлено, что избранные старосты должны были утверждаться митрополитом: «И техъ избранныхъ старостьъ передъ Митрополита привести, и онъ разсмотря ихъ, доволне наказавъ, и придасть имъ законъ божественныхъ Писанийъ соборнаго уложения, по правиломъ Святыихъ Отець ... и да благословить ихъ на соборное согласие о Бозе подвижатися»¹².

Количество поповских старост в Москве Стоглавом было определено в соответствии с количеством соборов. Таким образом, в Москве должны были быть избраны семь протопопов: «В царствующем же граде Москве достоит быти седми старостам поповским и седми сбором по уложению царскому... Также и по всем градам уставити старосты священники и десятские, где сколько пригоже в котором городе».

В соборном приговоре 1551 г. об учреждении и обязанностях московских поповских старост были указаны все семь соборов, по числу

которых в Москве учреждались поповские старосты: “Достоить убо седмь соборовъ учинити и седмь старость устроити, и по темь разочтеть церкви, и попы, и диаконы: 1-й соборъ Всесвятской въ Черторьи, 2-й соборъ Борисоглебской, 3-й соборъ Никитской на Никитине улицы, 4-й соборъ Веденской во Псковичахъ, 5-й соборъ Покровской на Площадки, 6-й соборъ Ивановской за Болотомъ, 7-й соборъ Варварской въ Новомъ городе и Старомъ”¹³.

Нигде в тексте Стоглава нет указания на то, какое количество поповских старост должно быть учреждено в других городах. В исследовательской литературе было высказано предположение, что их количество определялось епископами по царскому повелению и по благословению святительскому¹⁴. Однако прямое указание Стоглава на связь количества поповских старост и соборов в Москве можно рассматривать как формулировку правила, согласно которому в других городах количество поповских старост также должно было соответствовать количеству соборов. Здесь также следует принять во внимание, что все городское духовенство относилось к тому или иному собору и в этом смысле назначение поповских старост по количеству соборов снимало проблему определения их сферы компетенции - каждый поповский староста осуществлял надзор за теми храмами, священниками и диаконами, которые относились к соответствующему собору. Представляется, что именно на такой принцип указывает и выражение из процитированного выше соборного приговора 1551 г. об учреждении и обязанностях московских поповских старост “и по темь [соборам. - *С.Л.*] разочтеть церкви, и попы, и диаконы...”.

Далее в том же приговоре есть еще более ясное подтверждение соотношения числа поповских старост и соборов: “И колико будетъ старость, толико и соборовъ; и во всякомъ бы соборе назнаменовати, избравъ, святому храму имя, по митрополичу благословению, и того бѣ храму имя соборъ именовался, якоже и впреди речено: къ нему же сходятся вкупе отъ всехъ техъ храмовъ, которые причтены тому собору, о божественномъ молении и со кресты честными хождение, всякого ради прошения о полезныхъ по настоящихъ временехъ, и техъ всехъ святыхъ на почестъ праздникомъ еже со кресты хождение...”¹⁵

Как видим, соответствие числа поповских старост и соборов устанавливалось не случайно -

староста должен был совершать церковные службы в соборе, показывая тем самым пример и давая образец “правильного” богослужения остальным священникам, относившимся к данному собору. Подробное описание того, как должна выглядеть “правильная” служба в соборном храме и в какие дни священники и прихожане остальных храмов должны приходить к собору, содержится в 35-й главе Стоглава¹⁶.

После краткого определения функций протопопов в начале 6-й главы Стоглав подробно расписывает, какие именно вопросы должны быть предметом заботы и контроля со стороны поповских старост: 1) надзирать за правильным исполнением церковных служб и колокольного звона (“чтобы у них было по всем святым церквам божественное правило церковное и звон по уставу и по преданию великаго нашего православия о всем по священным правилом и по церковному уставу сполна чинно и немятежно...”); 2) контролировать то, чтобы священники и дьяконы правильно пели церковные службы и читали божественные книги прихожанам (“...по вся дни заутрени воскресныя и праздничныя и дневныя пели бы по уставу, и божественныя книги почитали - евангелие толковое, и златоуст, и жития святых, и пролог и прочия святых душепользныя книги на поучение и на просвещение и на истинное покаяние и на добрыя дела всем православным хрестьяном в душевную пользу”); 3) следить за тем, чтобы по завершении службы священники пели молебны за здравие царя и его семьи, а также о спасении державы и “всего православнаго хрестьянства”; 4) осуществлять надзор за состоянием икон в храмах (“дозирати святых икон и священных сосудов и всякого церковнаго чину служебнаго и на престолех святых антимилов дозирати и священных книг святых евангелей и апостол и прочих святых книг... И которые будут святые иконы состарелися, и им те велети иконником починивати”).

Приговор 1551 г. об учреждении и обязанностях московских поповских старост существенно дополнял установления Стоглава относительно их функций. Прежде всего, подчеркивалось, что каждый поповский староста в “своем” соборе должен был хранить “Правила Святых Отецъ”, на основании которых выверялся и исправлялся порядок осуществления церковных служб священниками, относившимися к данному собору.

Особое внимание должно было уделяться соблюдению чистоты алтаря: “А во святыи жертвеник и во святыи олтарь отнюдь бы никакко бы не вносили, никоторыми делы, всякого снаднаго, ниже отъ сокровищъ, кроме святыня; токмо вносить святыя иконы, и честныя кресты, и священныя сосуды, и судари, и покровцы, и свечи, и ладанъ, и фимьянъ, и священное масло, и вино служебное, и ризы, и укропницы съ водою, и сосуды служебныя, и священныя просвиры”¹⁷.

Поповские старосты должны были следить за тем, чтобы выполнялись требования, установленные Стоглавом в отношении “проскурниц” - женщин, выпекавших просвиры: “А проскурницы бы были вдовы единого мужа, неменши 50 летъ, в добрыхъ делехъ свидетелствованы...”¹⁸

К обязанностям поповских старост относился также надзор за нравственным состоянием белого духовенства. Соборный приговор 1551 г. указывает священникам, что они должны подавать собой пример прихожанам во всем: “Вы же убо священницы, во святыхъ Божиихъ церквахъ, тщитесь образъ показати собою и всякия добродетели, въ молитвахъ и въ молении и въ трезвей совести, а не во пьянстве, ни въ козлогласовании. Также и на пирех, и во всенародномъ собрании, и во всякихъ мирскихъ беседахъ, священникомъ достоинъ духовне беседовати и божественнымъ Писаниемъ поучати на всякия добродетели, а праздныхъ словесъ, и кощунъ, и сквернословия, и смехотворенья, отнюдь бы сами не творили и детемъ своимъ духовнымъ завещали...”¹⁹.

Особое внимание уделялось случаям приверженности духовенства пьянству - не только сами поповские старосты должны были выявлять такие случаи, но и прихожанам предписывалось сообщать старостам о приверженности священников пьянству: “О пьянстве и о бесныхъ невождержавныхъ во пьянстве сказывати соборнымъ...”²⁰. Также поповские старосты должны были следить, чтобы священники не принимали участие в народных играх и гуляниях, которые носили выраженный языческий характер: “...а идеже гусли, и прегудницы, и потехи хулныя, и отъ техъ бы игръ священницы удалялися и отходили въ дома своя, а сами бы на таковая отнюдь не дерзали, то прокляти суть”²¹.

Глава 34 Стоглава также подробно определяет случаи “неподобного” жития священников, что подразумевало пьянство, внебрачные связи, посещение корчмы и игрищ и т.п. Для обнаруже-

ния случаев неподобающей жизни белого духовенства поповским старостам предписывается опираться не только на опрос самих священников, но и на показания “добрых людей” из числа прихожан: “...и о том о всем известно и достоверно протопопы и старосты испытывают священников и добрых людей и испытываше твердо о всем о том да возвещают святителем митрополиту и архиепископом и епископом, койждо во своем пределе”²².

В осуществлении своих функций поповские старосты должны были опираться на помощников - десятских священников. Соборный приговор 1551 г. об учреждении и обязанностях московских поповских старост отдает право выбора десятского священника на усмотрение поповского старосты: “...онъ же избересть себе десятицкихъ, которые достойны и искусны, иже о Бозе попеченье имеютъ о духовныхъ делехъ...”²³ К ним предъявлялись такие же требования, что и к поповским старостам: “... да к ним избирати десятицкихъ добрыхъ же священниковъ искусныхъ житиемъ непорочныхъ же”²⁴. В сельской местности десятские священники должны были исполнять функции поповских старост, полностью их заменяя: “А по селом и по погостом, и по волостем по всей земли уставити у поповъ десятицкие священники”²⁵.

Показывая пример “правильных” богослужений и осуществляя надзор за нравственным состоянием священников, поповские старосты должны были обладать определенными полномочиями для наказания тех, кто не желал меняться. В 29-й главе Стоглав определяет общее правило, что указания поповских старост (которых в этом месте Стоглав называет протопопами) должны исполняться “с благоговением”, что они не могут быть оспорены (“А протопопов бы читали и слушали и повиновалися им о бозе во всем безо всякаго прекословия...”)²⁶. В случае, если наставления старост не давали результата (“А которые соборные священники и ружные и предельные священники и дяконы не учнут протопопов слушати, а учнут упиватися в пьянство и о церковномъ пении небречи...”), они могли наложить церковное наказание на провинившегося, но не единолично, а “соборно”, т.е. совместно с другими священниками: “...и протопопомъ такихъ **соборне** (выделено мной. - С.Л.) наказывати, чтобы в пьянство не упивалися и к церквамъ Божиимъ ходили...”²⁷

Согласно соборному приговору 1551 г. об учреждении и обязанностях московских попов-

ских старост, они могли указать на неправильность богослужения или образа жизни священника, наложить церковное наказание, а в случае игнорирования их указания “ослушником” поповские старосты должны обращаться к суду святителя: “Аще сего не учнете хранити по уставу, и старосты бѣ священническіе, о томъ берегли накрепко, и възбраняли, и запрещали, и на ослушниковъ святителемъ возвещали”²⁸. Как видно из приведенного установления, дела “ослушников” могли быть вынесены поповскими старостами на святительский суд, который уже и определял для них наказание.

Материал 34-й главы Стоглава позволяет сделать вывод, что наказание, налагаемое святительским судом, дифференцировалось в зависимости от тяжести проступка: “И святители тех попов и дьяконов о их безчинстве духовне наказывают с великим запрещением: овому духовное наказание, овому страх, иному же отлучение по священнымъ правиломъ”²⁹. Самые тяжелые последствия заключались в лишении сана и предании церковному суду - в том случае, если наложенное до того церковное наказание не возымело эффекта: “А которые священницы и дьяконы не учнут слушати святительского наказания по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по святей хиротонии, таковии будут от своихъ святителей в конечномъ отлучении священства и предани будут церковному суду”³⁰.

За некоторые особо тяжкие отступления от правил богослужения нормативные акты сразу определяли наказание в виде отлучения от Церкви: “Аще кто преслушаетъ сѣя заповѣди и безъ ризъ начнетъ пети, таковому быти во отлучении, безъ милости”³¹. Конечно же, отлучение осуществлял опять же не сам поповский староста, а святитель, по представлению старосты, о чем достаточно ясно говорится в цитированном соборном приговоре 1551 г.: “Аще кто сѣя соборныя и уложенныя заповѣди преслушаетъ, да будетъ во отлучении и въ великомъ запрещении **отъ святителя** (выделено мною. - С.Л.)”³².

Стоглав предусматривал и такую ситуацию, при которой церковный староста мог попытаться скрыть недостойное поведение священника, не сообщая о проступке святителю. В таком случае наказанию подвергался уже сам староста: “А по которыхъ безчинныхъ священницехъ и дьяконехъ начнутъ покрывати протопопы и старосты и десятичные, и темъ самемъ быти отъ святителей в наказании

и во отлучении по темъ же священнымъ правиломъ”³³. В отличие от остальных священников, которые сначала подвергались относительно мягкому наказанию, которое ужесточалось в случае его недействительности, поповские старосты за те же проступки сразу подвергались максимальному наказанию - конечному отлучению: “Также и протопопы, которые по соборнымъ церквамъ сами учнут упиватися или безчинствовати и небрежи о соборномъ церковномъ чину. ... и темъ протопопомъ святителей потому жъ быти в великомъ запрещении и в конечномъ отлучении по божественнымъ же и священнымъ правиломъ”³⁴.

Таким образом, введение института поповских старост представляло собой элемент системы мероприятий, направленных на оздоровление церковной иерархии и повышение ее авторитета в глазах прихожан. По своему происхождению и социальной роли институт поповских старост близок к губным органам самоуправления, также реализующим функцию общественного контроля и ограничивая полномочия власти. Тщательное изучение источников позволяет считать обоснованным предположение, что количество поповских старост ставилось в зависимость от количества соборов в каждом конкретном городе. Функции поповских старост были разнообразны, в различных сферах реализующим надзор за нравственным обликом приходских священников и добросовестным выполнением ими своих обязанностей. В отношении тех представителей белого духовенства, которые не исправлялись под влиянием поповских старост, последние могли применять церковные наказания, но не единолично, а соборно. Если и они не приносили результата, поповские старосты обращались к святительскому суду. Этому же виду церковного суда подлежали и сами поповские старосты в случае совершения каких-либо проступков.

¹ Стоглав // Российское законодательство XIX-XV вв. Т. II. М., 1985. С. 267.

² Там же.

³ Феофилакт Лопатинский. Обличение неправды раскольнической. М., 1745. Л. 146 об. Такой же характер носит сочинение архиепископа Никифора Феотоки (Никифор Феотоки. Ответы на вопросы старообрядцев. М., 1800) и других авторов.

⁴ См.: *Беляев И.В.* Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. // Русская беседа. М., 1858. Ч. IV. С. 18; *Стефанович Д.* О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памят-

ников древнерусского церковного права. СПб., 1909; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский. Т. 2. М., 1900; и др.

⁵ Знаменский П. История русской церкви. М., 1996. С. 347.

⁶ См.: Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. 1. Казань, 1877; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский. Т. 2. М., 1900; и др.

⁷ Стоглав. С. 268.

⁸ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский. С. 770-771.

⁹ Подробнее см.: Жданов И.Н. Материалы для истории Стоглавого собора // Журн. министерства народного просвещения. 1876. Июль, август. С. 199.

¹⁰ См. подробнее, например: Губная Белозерская грамота 1539 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 1. СПб., 1836. № 187; Губная Соль-Галицкая грамота 1540 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 1. СПб., 1836. № 192; и др.

¹¹ Стоглав. С. 278.

¹² Соборный приговор об учреждении и обязанностях Московских поповских старост, и о проч. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 1. СПб., 1836. № 232. С. 227-228.

¹³ Соборный приговор об учреждении и обязанностях Московских поповских старост, и о проч. С. 227.

¹⁴ Российское законодательство X-XX веков. Т. II. М., 1985. С. 432.

¹⁵ Соборный приговор об учреждении и обязанностях Московских поповских старост, и о проч. С. 228.

¹⁶ Стоглав. С. 298-299.

¹⁷ Соборный приговор об учреждении и обязанностях Московских поповских старост, и о проч. С. 228.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 229.

²⁰ Там же. С. 228.

²¹ Там же. С. 229.

²² Стоглав. С. 297.

²³ Соборный приговор об учреждении и обязанностях Московских поповских старост, и о проч. С. 227.

²⁴ Стоглав. С. 278.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 292.

²⁷ Там же.

²⁸ Соборный приговор об учреждении и обязанностях Московских поповских старост, и о проч. С. 228.

²⁹ Стоглав. С. 297.

³⁰ Там же.

³¹ Соборный приговор об учреждении и обязанностях Московских поповских старост, и о проч. С. 230.

³² Там же.

³³ Стоглав. С. 297.

³⁴ Там же. С. 293.

Поступила в редакцию 02.02.2011 г.